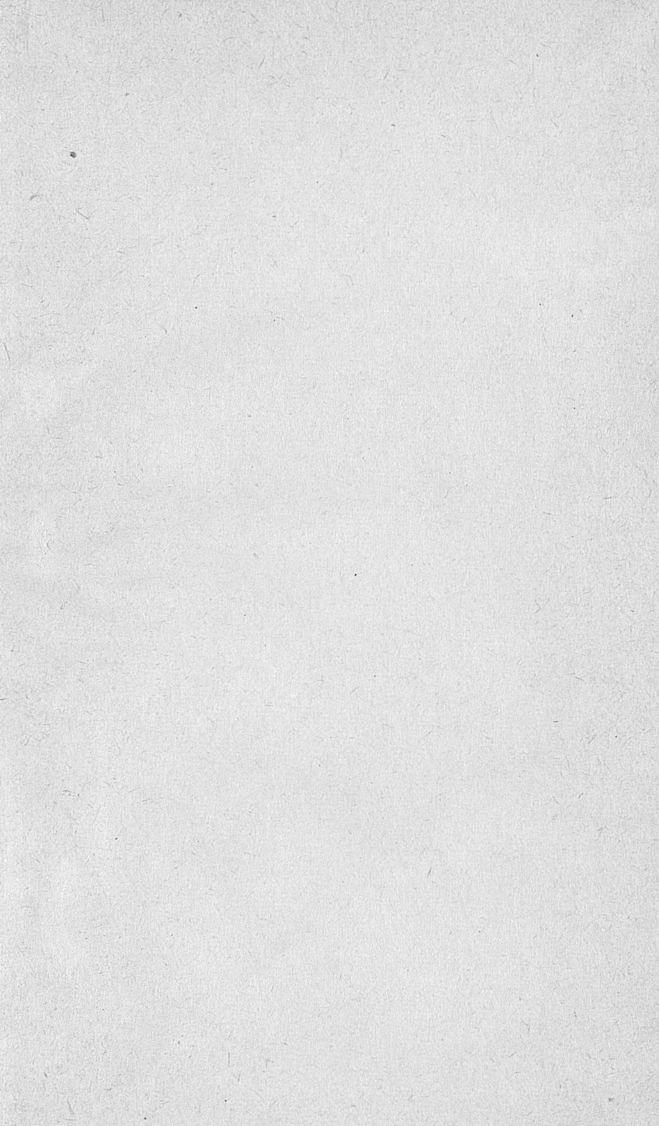
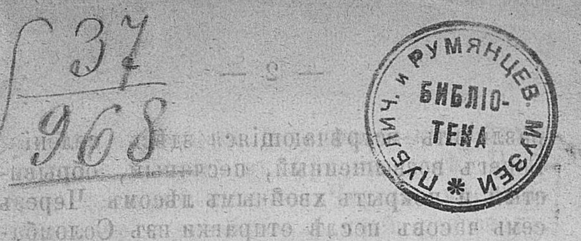

Поѣздка на Новую Землю.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, существуетъ правильное сообщеніе съ островомъ Новая Земля, и желающему посѣтить этотъ уголокъ нашего обширнаго отечества легко исполнить свое желаніе. Я давно уже мечталъ побывать на Новой Землѣ, и лѣтомъ 189.. года мое желаніе исполнилось: 15-го іюля я былъ на палубѣ парохода „Чижовъ", отправлявшагося туда съ различными припасами для ново-земельскихъ колонистовъ. Въ числѣ немногочисленныхъ пассажировъ было нѣсколько семействъ самоѣдовъ.

Погода въ день отправки стояла прекрасная, съ теплымъ южнымъ вѣтеркомъ. Пройдя Соломбалу, мы вошли въ узкій рукавъ Сѣв. Двины—Маймаксу, а черезъ два часа были уже на барѣ. По выходѣ изъ устья Двины, пароходъ идетъ вдоль Зимняго берега Двинской губы, въ недалекомъ, сравнительно, отъ него разстояніи, такъ что простымъ глазомъ можно

различить встрѣчающіяся здѣсь селенія. Берегъ возвышенный, песчаный, обрывистый и покрытъ хвойнымъ лѣсомъ. Черезъ семь часовъ послѣ отправки изъ Соломбалы дошли до Зимнихъ горъ.

16-го іюля, въ 6-мъ часу утра, пришли къ маяку на островѣ Моржовецъ. Останавливались ненадолго для высадки смотрителя маяка, сѣвшаго на „Чижовъ" въ Соломбалѣ. Погода продолжаетъ стоять тихая и теплая. Самоѣды флегматически жмурятся на солнцѣ. Дѣти ихъ, въ возрастѣ 6—8 лѣтъ, рѣзвятся. Я подошелъ къ одному изъ самоѣдовъ съ намѣреніемъ что-либо узнать о ихъ житьѣ-бытьѣ на Новой Землѣ (онъ уже нѣсколько лѣтъ провелъ тамъ). Самоѣдъ сперва былъ такъ неразговорчивъ, что можно было думать, что онъ не умѣетъ говорить по-русски. Однако потомъ оказалось, что онъ достаточно хорошо знаетъ русскій языкъ; неразговорчивость его происходила оттого, что самоѣды вообще къ незнакомымъ лицамъ относятся крайне недовѣрчиво. Онъ угрюмо глядѣлъ въ сторону, боязливо и неохотно отвѣчая на мои вопросы, изрѣдка подозрительно взглядывая въ мою сторону. На первый разъ бесѣда моя ограничилась тѣмъ, что я узналъ, какъ его

зовутъ, женатъ-ли онъ, много-ли дѣтей, часто-ли бываетъ въ Архангельскѣ. Пока было довольно и этого. Черезъ нѣсколько часовъ я возобновилъ свой разговоръ. На этотъ разъ собесѣдникъ мой оказался общительнѣе. Отвѣты его не были такъ односложны и сухи ,какъ въ первый разъ—онъ иногда отвѣчалъ уже цѣлыми фразами. По его словамъ, онъ крещенъ еще въ дѣтствѣ, дѣти и жена его также крещены. „У насъ нынѣ все по-хорошему: табакъ есть, деньги есть, хлѣбъ и чай есть, водка бываетъ; русакъ хорошъ, начальникъ добра".

18-го іюля, въ 7-мъ часу вечера, замѣтили вдали, на краю горизонта, темную полосу; то былъ, казалось, берегъ, даже можно было различить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ бы очертанія горъ. По словамъ капитана, до берега оставалось еще не менѣе 50 миль, т. е. около 80 верстъ, а на такомъ разстояніи берегъ, разумѣется, не могъ быть виденъ: то, что казалось берегомъ, былъ не берегъ, а просто „марево"—извѣстное явленіе на морѣ. И дѣйствительно, кажущійся берегъ часа черезъ два исчезъ изъ вида. Наступила ночь, а берега все еще не было видно. Солнце не скрылось за край горизонта, а дошло

до поверхности воды и какъ бы остановилось. Какъ-то непривычно и странно видѣть незакатывающееся солнце, особенно при такой обстановкѣ: море тихо и гладко, какъ полированное, нѣтъ ни малѣйшей ряби, покуда хватитъ глазъ—всюду вода и вода, а надъ этою водяною, словно застывшею пустыней огненно—багровымъ шаромъ виситъ солнце; именно—виситъ: думается невольно, что вотъ-вотъ оно потонетъ въ морѣ... Я рѣшилъ не спать въ эту ночь; хотѣлось наблюдать, какъ не заходя солнце восходитъ. Хотя мнѣ ранѣе случалось бывать въ океанѣ, но наблюдать полночное солнце при такой чудной погодѣ еще не удавалось. Цвѣтъ солнца былъ какой-то особенный: не ослѣпительно яркій, а багрово—красный, но все же трудно выносимый для глазъ. По водѣ свѣтъ этотъ разсыпался въ тысячѣ переливовъ: тутъ было нѣчто не поддающееся описанію, что-то величественно подавляющее, два стихійныя начала: огонь и вода, океанъ и солнце. Рѣдко въ жизни приходится видѣть такія чудныя картины, особенно у насъ на сѣверѣ, бѣдномъ красками. Въ третьемъ часу утра солнце довольно замѣтно поднялось отъ поверхности воды. Вмѣстѣ съ

тѣмъ цвѣтъ его измѣнился, сдѣлавшись ярче, ослѣпительнѣе. Не смотря на безсонно проведенную ночь, мнѣ не хотѣлось спать: я продолжалъ стоять на палубѣ скользящаго по морю парохода, какъ очарованный.

Наконецъ, показался и берегъ, и замѣчательно—почти въ такомъ же точно положеніи, какъ 10 часовъ тому назадъ миражъ. Спустя нѣсколько часовъ, пароходъ шелъ уже вблизи берега. Я рѣшительно не ждалъ такого вида, какой теперь открылся предъ нами. Берегъ былъ чрезвычайно гористый, съ горами безконечно—однообразной формы; большинство горъ вершинами блестѣло на солнцѣ: на нихъ былъ снѣгъ. Глубокія долины покрывались синеватою мглой. Легкій туманъ много способствовалъ разнообразію и красотѣ общей картины. Но хотя открывшаяся картина и была хороша, однако въ ней чего-то не хватало. Взоръ, наконецъ, привыкъ къ причудливымъ вершинамъ горъ, къ глубокимъ долинамъ съ пластами снѣга ослѣпительной бѣлизны—и потомъ все это казалось однообразно-тягостнымъ; чувствовалось, что чего-то нѣтъ, чего то не хватаетъ. А не хватало жизни, растительности: не было не только зелени--деревьевъ

или кустарниковъ, но и мохъ, казалось, отсутствовалъ; все было пустынно—сѣро и дико. Особенно тягостна была тишина, и рѣдкіе крики гагарокъ не могли нарушить ее. Академикъ Бэръ такъ характеризуетъ эту тишину, царящую на Новой Землѣ: „Какъ будто наступило лишь утро творенія, а жизнь послѣдуетъ уже затѣмъ. Спокойствіе природы, особенно въ ясный день, напоминаетъ тишину могилы“.

19-го іюля, утромъ, мы вошли въ проливъ Маточкинъ Шаръ. Проливъ этотъ напоминаетъ рѣку: онъ очень извилистъ, а берега его то удаляются одинъ отъ другого, то приближаются, такъ что ширина его весьма различна: въ узкихъ мѣстахъ до нѣсколькихъ сотъ саженъ, а въ широкихъ —верстъ до трехъ.

Въ 12-мъ часу бросили якорь въ бухтѣ, образованной расширеніемъ пролива къ югу. Погода великолѣпная, на небѣ ни облачка, солнце припекаетъ. Въ бухтѣ стояло небольшое поморское судно, пришедшее для ловли бѣлухъ. Прямо къ югу отъ парохода—низменный песчаный берегъ. Съ трехъ сторонъ, амфитеатромъ, эта песчаная отмель окружена горами, оставаясь открытою для зрителя съ парохода. Впадины горъ, особенно обращен-

ныя къ сѣверу, покрыты снѣгомъ. Горы довольно круты и поражаютъ своими размѣрами; величина ихъ еще болѣе выигрываетъ при отсутствіи на нихъ растительности: въ такомъ видѣ вся масса горы на лицо. При подошвѣ двухъ горъ, изъ глубины ущелья, течетъ узенькой лентой рѣчка, вѣрнѣе—ручеекъ. Здѣсь расположено лѣтнее „становье“ самоѣдовъ, состоящее изъ трехъ или четырехъ чумовъ. Изъ чумовъ тоненькою струйкой вьется бѣловатый дымокъ, слышенъ лай собакъ, и видна суетливая бѣготня людей. Глазъ, утомленный мертвеннымъ, хотя величественнымъ видомъ горъ, съ наслажденіемъ отдыхалъ на этой оживленной картинѣ. Вскорѣ была спущена шлюпка, и мы поспѣшили выѣхать съ парохода. Едва лишь мы вступили на берегъ, какъ мигомъ были окружены множествомъ собакъ самой свирѣпой наружности; всѣ онѣ были довольно крупны, и ростъ ихъ еще болѣе увеличивала густая, длинная шерсть; ощетинясь, онѣ злобно лаяли, окруживъ насъ тѣснымъ кольцомъ; немалаго труда стоило самоѣдамъ снять съ насъ эту непріятную и опасную осаду.

На собакахъ самоѣды ѣздятъ, такъ какъ олени въ здѣшнихъ мѣстахъ жить не

могутъ по неимѣнію корма. Встрѣчаются же олени въ дикомъ состояніи въ глубинѣ острова, верстъ за 60 и далѣе—ближе къ восточному берегу.

Въ лѣтнее время собакъ не кормятъ, и онѣ оттого дѣлаются страшно злы; пищу же онѣ добываютъ себѣ сами, собирая по берегу брошенныхъ промышляющими здѣсь поморами бѣлухъ или выброшенную океаномъ падаль.

Въ становищѣ Маточкинъ-Шаръ пароходъ остановился для того, чтобы выгрузить привезенные самоѣдамъ припасы: муку, соль, порохъ, свинецъ, дрова и различныя необходимыя орудія—пилы, топоры и проч., и взять нетопленное самоѣдами сало, шкуры звѣрей—нерпъ, бѣлухъ и дикихъ оленей. Выгрузка привезеннаго и пріемъ предметовъ зимняго промысла колонистовъ производилась подъ наблюденіемъ чиновника, ежегодно командируемаго спеціально для этой цѣли. Самоѣдамъ запрещено отдавать свои товары помимо этого чиновника стороннимъ лицамъ. Эта мѣра необходима, ибо промышляющіе здѣсь лѣтами поморы не преминули бы обмануть довѣрчивыхъ и падкихъ до водки самоѣдовъ. Что мѣна на водку практиковалась здѣсь, это видно

изъ того, что бутылка водки служитъ и до сихъ поръ опредѣленной единицей цѣнности, въ чемъ просилъ меня убѣдиться одинъ изъ моихъ спутниковъ, бывавшій неоднократно на Новой-Землѣ. Для этого онъ сдѣлалъ маленькій опытъ: въ шутку обратился къ самоѣдкѣ съ предложеніемъ купить у нея пимы и спросилъ, что стоятъ. —„Два полустофа“—бойко отвѣчала та (самоѣдскому языку не свойственъ звукъ ш: они замѣняютъ его с).

Пока происходила выгрузка съ парохода и нагрузка на него, мы предприняли экскурсію на близлежащую гору. Дѣло оказалось далеко не легкимъ, и на подъемъ мы употребили болѣе часа. Гора представляла гигантскую остроконечную массу камня, нагроможденнаго огромными глыбами; во многихъ мѣстахъ поверхность горы растрескалась, точно отъ дѣйствія огня, представляя груды щебня; не рѣдко встрѣчались отвѣсные обрывы, которые приходилось обходить. Спускъ былъ нѣсколько легче. За трудный подъемъ мы были съ избыткомъ вознаграждены: видъ сверху открывался чудный, благодаря ясной погодѣ. Пароходъ казался ничтожной скорлупой въ сравненіи съ необъятной гладью океана.

Когда мы спустились съ горы, нагрузка на пароходъ еще не была кончена, и мы отъ нечего дѣлать наблюдали, какъ самоѣды осматривали поставленные тутъ же, вблизи берега, рыболовныя сѣти для ловли гольцовъ.

Изъ становища Маточкинъ Шаръ мы вышли вечеромъ въ тотъ же день и направились въ бухту Малыя Кармакулы, куда и пришли рано утромъ на другой день. Здѣсь главное становище или колонія; тутъ зимовалъ флотскій офицеръ Тягинъ въ 1878 г., здѣсь же устроена спасательная станція и скитъ.

На восточномъ берегу бухты построено два деревянныхъ дома со службами. Близъ нихъ двѣ деревянныхъ же небольшихъ церкви. Дома построены прочно; стѣны двойныя, промежутокъ между ними около двухъ футовъ; рамы тройныя. Комнаты свѣтлы и просторны. Одинъ домъ занимаютъ самоѣды. При домахъ есть баня, кузница и большая кладовая; здѣсь хранились спасательныя принадлежности: пробочные круги, складныя лѣстницы, шесты, веревки и проч. *).

---

*) Всѣ эти свѣдѣнія относятся къ 1889—1890 г.

— „Вы не думайте, что если стѣны толсты, такъ мы и отъ вѣтра спасены“, обратился ко мнѣ одинъ изъ братіи: — „нѣтъ, въ сильныя метели здѣшній вѣтеръ продуваетъ и двойную стѣну“. И нѣтъ ничего удивительнаго: по словамъ зимовавшихъ, вѣтры здѣсь бываютъ такъ сильны, что вихрь подхватываетъ съ земли и подымаетъ на воздухъ мелкіе камешки. Нельзя устоять на ногахъ, когда подымется „пурга“; застигнутые въ дорогѣ путники немедленно ложатся въ снѣгъ и пережидаютъ бурю, хотя пришлось бы пробыть въ такомъ положеніи не одинъ день.

Съ большимъ интересомъ осмотрѣли мы тѣ комнаты, гдѣ провелъ зиму неустрашимый Тягинъ съ женою и груднымъ ребенкомъ (послѣдній родился во время зимовки, въ декабрѣ). По счастливой случайности, съ нами былъ одинъ изъ участниковъ этой зимовки. По словамъ этого очевидца, скуки особенной они не испытывали, будучи постоянно заняты, имѣя при томъ питательную пищу, хорошую теплую одежду, такъ что свободно выходили на открытый воздухъ. Главное средство противъ цынги, помимо соотвѣтствующей пищи, — работа и работа болѣе или менѣе интересная, поддержи-

вающая энергію и веселое расположеніе духа. Тягинъ сумѣлъ повліять на духъ ввѣренныхъ ему спутниковъ, и зимовка прошла какъ нельзя болѣе счастливо. Однако при появленіи парохода, пришедшаго за добровольными отшельниками, многіе изъ низъ плакали отъ радости.

Послѣ осмотра дома, занимаемаго братіей скита и вообще всѣми русскими, мы зашли въ самоѣдскій домъ. Послѣдній содержится грязно и вообще менѣе привлекателенъ внутри, хотя оба дома одинаковы какъ по прочности, такъ и по отдѣлкѣ.

Въ моментъ нашего прихода группа самоѣдовъ сидѣла на полу, на корточкахъ, вокругъ какой-то лоханки или около ведра; происходилъ, повидимому, обѣдъ: время отъ временн то тотъ, то другой изъ самоѣдовъ тянулся съ ножомъ въ рукѣ къ сырой рыбѣ, лежавшей въ лоханкѣ, отрѣзывалъ ломоть и быстро клалъ въ ротъ. Операціей этой были заняты взрослые: дѣти получали изъ рукъ женщинъ уже готовые куски. Между дѣтьми были и грудныя: послѣднія были зашиты въ какіе то мѣховые мѣшки, виднѣлись лишь глазенки въ узкое отверстіе этихъ мѣшковъ. Дѣти побольше одѣты такъ: тѣло

ихъ вплотную охватывала узкая рубашка изъ выдѣланной оленьей кожи (или изъ шкуры шерстью внизъ), съ пришитыми къ ней панталонами, къ которымъ, въ свою очередь, прикрѣплены мѣховые же чулки; такой костюмъ напоминаетъ наши дѣтскіе панталончики съ пришитымъ лифомъ. Въ общемъ получается преуморительная фигурка съ толстыми ногами. Смѣшно было смотрѣть, какъ такой карапузъ, ревя во все горло, улепетывалъ въ своихъ панталонахъ, быстро сѣменя ножками, куда нибудь въ уголъ и забивался тамъ: такую панику наводило на дѣтей наше появленіе. Описанное одѣяніе соотвѣтствуетъ нашему бѣлью; сверхъ этого одѣвается еще малица.

— „Самоѣды точно дѣти, разсказывалъ намъ прозимовавшій здѣсь іеромонахъ:— пока есть у нихъ провизія, они истребляютъ ее въ огромныхъ размѣрахъ: чайникъ не сходитъ съ тагана, куреніе табаку идетъ круглые сутки; ѣдятъ постоянно, и нѣкоторые запасы, выданные на зиму, они истратятъ гораздо ранѣе, чѣмъ могутъ быть доставлены новые. Одну зиму мнѣ поручено было выдавать имъ провизію, въ томъ числѣ по временамъ и водку, и не мало же было хлопотъ и безпокойст-

ва; особенно было хлопотливо съ водкой: узнавши, что есть этотъ крайне привлекательный для нихъ напитокъ, самоѣды буквально осадили меня въ избѣ; отдѣлаться малымъ количествомъ было трудно, а дать больше—опасно. Не лучше обращаются они съ инструментами и снарядами для ловли и орудіями: оставляютъ ихъ подъ дождемъ и снѣгомъ, отчего топоры, пилы, ружья ржавѣютъ, сѣти гніютъ"...

Осмотрѣвъ домъ, занимаемый самоѣдами, (послѣдніе лѣтомъ предпочитаютъ жить подъ открытымъ небомъ), мы направились въ церковь, которая тутъ же неподалеку высилась на небольшомъ холмикѣ. По скату его, близъ церкви, виднѣлось нѣсколько деревянныхъ крестовъ съ кучей камней у каждаго: это было кладбище...

По наружному виду церковь скорѣе напоминаетъ часовню. Нѣсколько маленькихъ колоколовъ привѣшено снаружи, при входѣ, надъ небольшимъ крыльцомъ. Въ церкви между образами обращаетъ на себя вниманіе большая икона противъ лѣваго клироса—въ честь мученицы Нины, сооруженная усердіемъ Тягина въ память рожденія его дочери Нины, первой уроженки Новой Земли. Иконостасъ мѣстами пот-

рескался отъ сырости. Вообще все бѣдно и печально, такъ по-крайней-мѣрѣ показалось намъ при бѣгломъ осмотрѣ. По словамъ причта, самоѣды очень набожны, усердны ко храму и не пропускаютъ церковныхъ службъ.

Въ періодъ метелей, какъ разсказывали намъ прожившіе зиму, нерѣдко болѣе недѣли нельзя не только выйти на улицу, но рискованно и дверь открыть: немудрено, если смѣльчака вихремъ выброситъ за дверь и тотчасъ замететъ снѣгомъ. Въ такое ненастное время новоземельцы отсиживаются дома, нерѣдо по нѣсколько дней сряду; сплошь и рядомъ, по наступленіи тихой погоды, приходится вылѣзать изъ дому на свѣтъ Божій чердакомъ, чрезъ слуховое окно: снѣгу въ метель наваливаетъ наравнѣ съ крышей; ужъ потомъ отъ выходной двери роютъ въ снѣгу туннель.

Такимъ образомъ зимою у поселенцевъ большая часть времени уходитъ на возню со снѣгомъ. Воду приходится добывать посредствомъ таянія снѣга.

Нерѣдки посѣщенія царя полярныхъ странъ —бѣлаго медвѣдя. По словамъ монаховъ, зимой такой гость пожаловалъ къ нимъ на чердакъ, отодвинувъ ставень слухового окна, отверстіе котораго сравняло

съ гигантскимъ сугробомъ. Медвѣдя привлекъ запахъ свѣжеснятыхъ звѣриныхъ шкуръ. Но поживиться незваному гостю ничѣмъ не удалось,—по неизвѣстной причинѣ онъ поспѣшилъ убраться во свояси, убоявшись, быть можетъ, самъ своей дерзости. Очень распространено мнѣніе о свирѣпости и храбрости бѣлаго медвѣдя; мнѣніе это не вполнѣ вѣрно: бѣлый медвѣдь, несмотря на свою величину (онъ длиннѣе бураго медвѣдя, хотя нѣсколько быть можетъ и ниже его), далеко труслившѣе медвѣдя нашихъ лѣсовъ и рѣдко защищается, предпочитая скорѣе уйти прочь отъ человѣка. *) Впрочемъ, новѣйшіе естествоиспытатели уже не придерживаются предразсудка о мнимой лютости бѣлаго медвѣдя: такъ, покойный профессоръ Богдановъ замѣчаетъ: „Благодаря новѣйшимъ экспедиціямъ на сѣверъ, разсказы Брэма и Фогта объ опасностяхъ, которымъ подвергаются промышленники при встрѣчѣ съ бѣлымъ медвѣдемъ, оказываются совершенно неосновательными. Раненый „ошкуй“ дѣйствительно страшное животное, но, благодаря своей неповоротливости, даетъ легко увернуться отъ нападеній“.

*) Такъ по крайней мѣрѣ утверждалъ одинъ самоѣдинъ—охотникъ.

(См. жур. „Родникъ“ 1888 г., № 1). Изъ бесѣдъ съ самоѣдами-охотниками, которые имѣли случай встрѣчаться на материкѣ и съ бурымъ медвѣдемъ, можно вывести заключеніе, что съ бѣлымъ медвѣдемъ легче справиться, нежели съ бурымъ.

Благодаря скорострѣльнымъ ружьямъ, самоѣды успѣшно охотятся на бѣлыхъ медвѣдей и на оленей: въ продолженіе послѣдней зимы пятью чумами добыто около 300 штукъ оленей и до десяти медвѣдей. Вообще промыселъ новоземельскихъ самоѣдовъ довольно великъ. Такъ, напримѣръ, грузъ парохода „Чижовъ“, принятый въ то лѣто отъ колонистовъ, состоялъ изъ 400 пуд. бѣлужьяго сала, 1000 пуд. нерпичьяго (тюленьяго), нѣсколькихъ десятковъ оленьихъ шкуръ, 9 шкуръ медвѣжьихъ и нѣсколькихъ бѣлужьихъ. Сверхъ того въ трюмѣ парохода виднѣлось немалое количество ремней изъ тюленьихъ же шкуръ, выдѣланныхъ самоѣдами какимъ то своимъ способомъ, путемъ вяленія на солнцѣ, и нѣсколько десятковъ боченковъ съ солеными гольцами.

Въ осмотрѣ скита и чумовъ, вперемежку съ разсказами словоохотливыхъ монаховъ о случаяхъ изъ жизни минувшей зимовки, время быстро шло: мы не замѣти-

ли, какъ наступилъ часъ отъѣзда, и съ сожалѣніемъ отправились на пристань, сѣли въ ожидавшую насъ шлюпку и черезъ нѣсколько минутъ были уже на палубѣ парохода, гдѣ было все готово къ обратному отплытію. Съ тоской въ глазахъ провожали насъ добродушные обитатели скита. По установившемуся обычаю былъ отслуженъ напутственный молебенъ.

Долго не изгладится изъ моей памяти это молебствіе въ бухтѣ Новой Земли, на палубѣ парохода, подъ открытымъ небомъ: кругомъ дикій, каменистый, пустынный берегъ; сзади, сквозь узкій проливъ, открывалась необъятная ширь океана; начинавшійся вѣтеръ слегка шумѣлъ въ снастяхъ мачтъ, на которыхъ развѣвались флаги; изъ машины несся глухой шумъ отъ разведенныхъ паровъ, а широкая труба парохода выбрасывала густые кудрявые клубы чернаго дыма. На суровыхъ лицахъ моряковъ было сосредоточенное выраженіе; небольшая кучка самоѣдовъ, истово крестясь, со вниманіемъ слушала слова Св. Писанія.

По окончаніи молебна раздалась команда: „подымай якорь", и при стукѣ лебедки послышались напутственныя пожеланія остававшихся...

Спустя нѣсколько часовъ, берегъ узкою полосою виднѣлся сзади, а вскорѣ Новая Земля совсѣмъ пропала изъ виду. Вѣтеръ крѣпчалъ, но такъ какъ дулъ почти сзади, то пароходъ не подвергался особенной качкѣ, хотя и было порядочное волненіе. На обѣихъ мачтахъ, пользуясь „повѣтерью", были распущены паруса, что значительно увеличивало скорость хода.

На другой день, 21-го іюля, однообразіе плаванія нарушилось встрѣчей съ иностраннымъ пароходомъ, шедшимъ, какъ потомъ оказалось, въ полярную экспедицію. Замѣтивъ сигналы, подаваемые съ иностраннаго судна посредствомъ флаговъ, капитанъ „Чижова" придалъ пароходу такое положеніе, что онъ остановился на мѣстѣ. Вскорѣ съ иностраннаго парохода, также остановившагося, была спущена шлюпка, несмотря на довольно крупную зыбь, которая при остановкѣ стала особенно замѣтна, такъ что трудно было сохранить равновѣсіе, не придерживаясь за что нибудь. Страшно было за пробиравшихся къ намъ гребцовъ: шлюпка ежесекундно то пропадала на нѣсколько мгновеній въ водяной безднѣ, то высоко подбрасывалась вверхъ на гребень волны. Въ этой скорлупѣ виднѣлось три человѣка:

два гребца и впереди, на носу, третій, держа въ рукахъ пакетъ, привязанный къ концу длинной тоненькой бечевки, другой конецъ которой прикрѣплялся къ поясу; очевидно, пакетъ предполагалось бросить къ намъ на палубу. Но, замѣтивъ спускаемую съ нашего парохода веревочную лѣстницу, стоявшій въ носу шлюпки съ пакетомъ въ рукахъ матросъ, взявъ пакетъ въ зубы, съ изумительной ловкостью воспользовался моментомъ, когда шлюпку волною почти сравняло съ палубой, и уцѣпился за спущенный съ борта трапъ. Черезъ секунду шлюпку изъ подъ ногъ его отмахнуло на нѣсколько саженъ отъ борта, а смѣльчакъ, ужъ цѣпляясь за бортъ, передавалъ нашему капитану пакетъ съ письмами для сдачи въ ближайшее почтовое учрежденіе (обычай брать корреспонденцію при встрѣчахъ, особенно въ дальныхъ плаваніяхъ, свято соблюдается моряками—безъ различія національностей). Прошла минута, и посланный не менѣе ловкимъ прыжкомъ очутился въ своей скорлупѣ, выбравъ мигъ, когда шлюпку волною снова поднесло подъ него.

Какъ на томъ, такъ и на другомъ суднѣ весь народъ столпился на палубѣ,

взаимно разсматривая другъ друга. Обмѣнявшись свистками, суда разошлись.

Вскорѣ на горизонтѣ вмѣсто встрѣчнаго судна виднѣлась лишь полоса дыма, но и та за поднявшимся туманомъ скрылась изъ вида. Туманъ часъ отъ часу дѣлался гуще и гуще; наконецъ, нашъ пароходъ сбавилъ хода и сталъ подавать время отъ времени свистки для избѣжанія могущаго произойти за туманомъ столкновенія. На палубѣ стало холодно и сыро.

Тѣ двое сутокъ, которые пароходъ шелъ отъ Новой Земли до Св. Носа (куда нужно было вторично зайти) тянулись однообразно и казались очень скучными. Въ Соломбальскую гавань мы прибыли 23-го іюля вечеромъ, употребивъ на все путешествіе на Новую Землю и обратно немного болѣе восьми сутокъ.

Ѳ. Г. Шошинъ.

Перепечатано, съ разрѣшенія за Вице-Губернатора г. Старшаго Совѣтника, изъ мѣстныхъ Губ. Вѣд. 1901 г. въ Арх. Губ. Типографіи.

взаимно разсматривая другъ друга. Обмѣнявшись свистками, суда разошлись.

Вскорѣ на горизонтѣ вмѣсто встрѣчнаго судна виднѣлась лишь полоса дыма, но и та за поднявшимся туманомъ скрылась изъ вида. Туманъ часъ отъ часу дѣлался гуще и гуще; наконецъ, нашъ пароходъ сбавилъ хода и сталъ подавать время отъ времени свистки для избѣжанія могущаго произойти за туманомъ столкновенія. На палубѣ стало холодно и сыро.

Тѣ двое сутокъ, которые пароходъ шелъ отъ Новой Земли до Св. Носа (куда нужно было вторично зайти) тянулись однообразно и казались очень скучными. Въ Соломбальскую гавань мы прибыли 23-го июля вечеромъ, употребивъ на все путешествіе на Новую Землю и обратно немного болѣе восьми сутокъ.

Ѳ. Г. *Шошинъ.*

Перепечатано, съ разрѣшенія за Вице-Губернатора г. Старшаго Совѣтника, изъ мѣстныхъ Губ. Вѣд. 1901 г. въ Арх. Губ. Типографіи.

